

К 120-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
С.Л. РУБИНШТЕЙНА

ЭВРИСТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ИДЕЙ С.Л. РУБИНШТЕЙНА
ДЛЯ РАЗРАБОТКИ ПРОБЛЕМ ИСТОРИИ ПСИХОЛОГИИ

© 2009 г. В. А. Кольцова

*Доктор психологических наук, профессор, первый заместитель директора
Института психологии РАН, Москва*

Обоснован историзм научной концепции С.Л. Рубинштейна, являющийся предпосылкой глубины и фундаментальности идей ученого. Раскрыт вклад Рубинштейна в становление отечественной истории психологии, в формирование ее принципов, способов позитивного анализа и конструктивной критики психологических подходов, а также их философско-методологических оснований. Опираясь на онтологический подход Рубинштейна, дано понимание объекта и предмета истории психологии.

Ключевые слова: история психологии, методология психологии, гуманитарное знание, концепция С.Л. Рубинштейна.

Важным источником разработки многих проблем современной методологии психологии, а также исследования конкретно-научных вопросов выступает научное наследие С.Л. Рубинштейна.

С.Л. Рубинштейн занимает особое место в истории отечественной психологической мысли XX века. Это без сомнения выдающийся мыслитель, человек высочайшей культуры, ученый, с именем которого в первую очередь связано методолого-теоретическое обоснование и оформление научной школы, сложившейся в нашей стране в постреволюционный период. Во многом благодаря его усилиям в сложный кризисный для психологии период 20–30-х годов удалось удержать психологию от сползания в механицизм, происходивший в этот период.

Творчество С.Л. Рубинштейна включает в себе не только огромное богатство психологических идей и подходов, оно учит современных психологов культуре исследовательской деятельности, содержит бесценные “уроки” истинно научного и высокопродуктивного подхода.

ПРОБЛЕМЫ МЕТОДОЛОГИИ НАУЧНОГО
ПОЗНАНИЯ И ИСТОРИИ
ПСИХОЛОГИИ В ТВОРЧЕСКОМ НАСЛЕДИИ
С.Л. РУБИНШТЕЙНА

Для современных исследователей в области истории психологии представляет интерес прежде всего сам стиль научного исследования Рубин-

штейна – глубоко творческий, диалектический, чуждый догматизму, предвзятости, политической конъюнктуре. Эти черты имели особое значение в связи с крайней идеологизированностью научного знания, обусловленной особенностями социального контекста его развития в условиях жесткого и тотального контроля со стороны государства.

Особенно ярко эти черты проявились при рассмотрении Рубинштейном марксистского учения. Последовательно ориентируясь на марксистское учение как методологическое основание разработки психологической теории, С.Л. Рубинштейн смог показать пример ее творческого, сугубо научного, а не идеологического осмысления, о чем свидетельствуют, прежде всего, его работа “Бытие и сознание”, анализ ранних рукописей Маркса, и многие другие работы. С одной стороны, он поддержал призыв о перестройке психологии на марксистских основах, с другой – решительно отверг догматизм, примитивные и однозначные трактовки психологических проблем в духе пролеткульта, насаждавшиеся в научной жизни 20–30-х годов.

Определяя пути выхода психологии из кризиса, Рубинштейн указывал на необходимость нового понимания ее ключевых категорий – сознания и деятельности. Новую же их трактовку, по его мнению, как раз помогает найти марксизм и, прежде всего, содержащаяся в нем концепция деятельности, раскрывающаяся через диалектику связи

субъекта с предметной действительностью [12]. Марксистская теория не калькировалась Рубинштейном, как нередко пытались сделать в то время; из нее им было взято и внесено в психологию только то, что непротиворечиво укладывалось в рамки его собственного научного мировоззрения, отвечало особенностям объекта и предметной области психологии [1].

Анализ идей Марса приводит Рубинштейна к выделению трех положений, имеющих, по его мнению, “решающее значение для психологии”: 1) признание роли труда, практической и теоретической деятельности в формировании человека и его психики, 2) идея обусловленности психического мира человека (“человеческих чувств, человеческой психологии, человеческого сознания”) создаваемым деятельностью человека предметным миром; 3) утверждение о том, что “человеческая психология, человеческие чувства – продукт истории” [19, с. 328, 330]. Рубинштейн отмечает, что все эти положения легли в основу советской психологии, предопределив ее черты. При этом подчеркивается, что “нужен специальный анализ для того, чтобы уяснить себе... подлинное содержание и скрытую в марксовских формулировках... проблематику” [там же, с. 331].

Творческое переосмысление марксистских идей позволило С.Л. Рубинштейну выдвинуть и обосновать систему собственно методологических принципов психологии – принципа единства сознания и деятельности, детерминизма, личностного подхода, развития, социальной обусловленности психического, ставших фундаментом развития отечественной психологии XX столетия.

С.Л. Рубинштейн внес большой вклад в сохранение и отстаивание лучших традиций русской дореволюционной мысли. Здесь с особой силой проявились огромная исследовательская культура и эрудиция ученого, подлинный историзм его научного мировоззрения. В трудах Рубинштейна взвешенную оценку получило творчество многих русских ученых и, прежде всего, глубоко чтимых им классиков отечественной психологической мысли – Н.Н. Ланге, И.М. Сеченова. По словам Е.А. Будиловой, именно по инициативе С.Л. Рубинштейна она впервые обратилась к изучению творчества Сеченова. Е.А. Будилова рассказывала, с каким интересом следил Сергей Леонидович за проводимой ею работой.

Несомненная заслуга С.Л. Рубинштейна состояла и в том, что его творчество даже в самые жестокие периоды идеологической изоляции советской психологии служило своеобразным мостом, соединяющим ее с мировой психологи-

ческой мыслью, не давая иссякнуть этому животворному источнику. В его работах представлен глубокий и до сих пор непревзойденный по своей основательности, всесторонности, конструктивной ориентированности анализ творчества практически всех известных зарубежных ученых. К изучению научного творчества зарубежных ученых обращались многие. Но немногим удавалось это сделать так, как С.Л. Рубинштейну – глубоко корректно, аргументированно, не всегда соглашаясь с мнением анализируемого ученого, но, безусловно, всегда проявляя к нему уважение как к достойному оппоненту. И это крайне контрастировало с той практикой заостренной классово-критики, которая культивировалась в нашей науке на протяжении многих десятилетий. Эта способность ученого не поддаваться подобному давлению, не скатиться в область идеологической дискуссии, а всегда оставаться на сугубо научной почве характеризует С.Л. Рубинштейна не только как выдающегося ученого, но и как мужественного и смелого человека. Не случайно именно его научная деятельность, не укладывающаяся в принятые стандарты и нормы научного мышления, задаваемые в советский период принципами государственного управления наукой, стала главным объектом критики во время кампании борьбы с космополитизмом.

С.Л. Рубинштейна отличала необыкновенная эрудиция, глубина культуры мышления – те качества, которые высоко ценились им самим и были полно представлены в его личности. “Полузнание, – писал он, – это наихудшее невежество (некоторый осколок знания, совершенно извращенного, изъятый из контекста, соединенный с отрицанием принципа знания)” [18, с. 335].

Для Рубинштейна была характерна многогранность взглядов и интересов. Являясь, без сомнения, ученым естественнонаучной ориентации, С.Л. Рубинштейн в то же время глубоко чувствовал и разделял многие гуманистические идеи в психологическом понимании человека. И именно его творчество подтверждает крайнюю условность жесткого разделения психологии на “естественнонаучную” и “гуманистическую”. Это проявлялось и в разработанной Рубинштейном концепции личности, и в его нравственно-этических воззрениях, и даже в сугубо методологических взглядах ученого. Никто иной, как С.Л. Рубинштейн возвращает в психологию утраченную вместе с духовной традицией проблему любви, ставит вопрос о специфике подлинно человеческого бытия как, прежде всего, ценностно-нравственно обусловленного. Оставаясь всегда на

сугубо научной почве в вопросах научного познания, Рубинштейн, в то же время, не был сторонником однозначно сциентистских позиций. Он отстаивал роль личностного начала в познании. В этом плане представляется интересным его утверждение о зависимости знания от личностных характеристик исследователя. Он солидаризируется с Л.Н. Толстым (непререкаемым для него моральным авторитетом), писавшим, что “знание людей, живущих несправедливой, суетной, развратной жизнью, не может быть истинным...”. Развивая эту мысль писателя, Рубинштейн отмечает, что “большое количество специальных знаний может дать очень ничтожное духовное содержание, поэтому ученый – не мудрец” [там же].

Для истории психологии как гуманитарной ветви психологической науки чрезвычайно важны также идеи Рубинштейна, касающиеся методологии гуманитарного познания. Этой проблеме была посвящена и докторская диссертация ученого, в которой он критически оценивает попытки решения данной задачи в русле неокантианского учения. Как пишут К.А. Абульханова и А.В. Брушлинский, знание марксизма “сказалось на поисках выхода из тупика марбургской школы, на путях не абстрактного, а конкретного метода (в духе гегелевского и марксового принципа восхождения от абстрактного к конкретному), содержательно интегрирующего качественно различные области знания” [2, с. 5].

Исходными методологическими основами решения данной проблемы у Рубинштейна становятся, с одной стороны, критика идеализма, отрицающего независимое от сознания человека существование бытия, с другой стороны – отказ от примитивно-материалистической трактовки познания в русле позитивистского подхода как чистой рецептивности, исключая активной роль субъекта. “На этой основе Рубинштейн стремится преодолеть справедливо критикуемый им конфликт между объективностью знания и творческой самодеятельностью субъекта. По его мнению, между ними нет антагонизма: объективность не только не исключает, а, наоборот, предполагает творческую самодеятельность, поскольку объективное знание не должно быть пассивным созерцанием непосредственной данности; оно является конструктивным, т.е. конструируется, создается, формируется в ходе творческой самодеятельности” [3, с. 441].

Решение вопроса о специфике гуманитарного знания у Рубинштейна опиралось на выделяемые им критерии научности. Согласно его мнению, отличие науки от других форм человеческой мыс-

ли – в ее социальности, тесной связи с жизнью, практичности (“роли науки в общеэкономической жизни”), “идеологической ценности” [18, с. 332]. Наука – феномен коллективного творчества; она разрушает барьеры между людьми, создавая единый мир интеллектуальных и моральных ценностей как основы духовного общения людей, и в этом смысле характеризуется необходимостью и всеобщностью. “Знание – универсально, наука – социальна” [там же]. Являясь постоянно развивающимся, диалектическим процессом, научное творчество движется через преодоление внутренних противоречий.

Наряду с диалектичностью, объективностью и “социализированностью”, в качестве важнейшей характеристики научного знания (и соответственно критерия научности) выделяется его доказательность. Она требует “критической проверки”, “верификации” и “обоснования”. Для нее характерно “стремление все подвергнуть проверке, начать с начала... не принимать на веру!” [там же, с. 333].

Основная цель науки – достижение объективного истинного знания. “Истинное как система”, – пишет Рубинштейн. Подчеркивается преобразующая роль знания: «Знание (идея знания) не просто “отрицает”, дублирует наличное содержание мира, а изменяет, преобразует его не только в практическом смысле, как у Маркса, но даже самим фактом своего существования, который вводит в мир новый элемент и который может быть настолько значимым, что он может преобразовать одним фактом своей наличности» [там же]. Познание и закрепляет то, что есть, и изменяет то, что есть.

Непременный признак научного знания – его системное строение: “Наука определяется как система, каждый элемент которой определен своими отношениями к другим элементам той же системы” [16, с. 337]. Рубинштейн подчеркивает, что только включением элемента знания в систему науки и определением его функций в ней создается понятие. “Стоит извлечь его из системы и понятие перестает быть понятием, превращаясь из понятия – логического содержания – в представление, т.е. субъективное содержание сознания” [там же]. Таковы, с его точки зрения, критерии точного знания, которым должно соответствовать любое знание, претендующее на статус научного.

Рубинштейн рассматривает вариант понимания специфики гуманитарной науки в целом и гуманитарного направления психологии в частности, представленный в учениях Дильтея и

Шпрангера и относящийся к наукам о духе. Он указывает, что «“наука о духе” – это... термин, который приблизительно однороден термину “гуманитарные науки”. Он относится не специально к психологии, а к целому ряду наук» [17, с. 346]. Использование этого термина, по мнению Рубинштейна, обретает в учениях сторонников данного направления глубокое идеологическое содержание, а не просто обозначает отнесение психологии к гуманитарным и социально-историческим наукам.

С.Л. Рубинштейн, критически оценивая эти варианты построения гуманитарного знания, основу научности последнего видит в раскрытии и объяснении подлинной связи между субъектом и культурой, предлагая путь решения данной проблемы: “Для того чтобы понять активную роль субъекта в историческом созидании культуры, нужно было сохранить конкретного реального субъекта из плоти и крови, у которого осмысленность соотношений с культурой была бы не противопоставлена его реальному бытию и деятельности, а включена в них; для того чтобы подлинно реализовать ту мысль, что сознание индивидуума определяется объективным содержанием культуры, нужно было не превращать это последнее в метафизическую абстракцию, а понять его как исторический продукт реального общественного развития” [там же, с. 362–363].

Важной представляется также мысль Рубинштейна о том, что задача гуманитарного знания не ограничивается лишь раскрытием специфики индивидуального случая как особого и единичного явления – это лишь один, но не завершающий этап в его логическом развитии. Конечная же задача состоит “не в жизнеописании отдельного индивида, его единичности, а в том, чтобы от единичного перейти к всеобщему, от случайного к необходимому, от явления к существенному в них. Для теоретического психологического исследования изучение индивидуальных случаев является поэтому не особой областью или объектом, но средством познания. Через изучение индивидуальных случаев в их вариативности психологическое исследование должно идти к истинной своей цели – к установлению все более общих и существенных закономерностей” [22, с. 41]. Примечательны в этом отношении следующие слова ученого: “У одних больше индивидуального, но нет объективации... у других – объективация, научность, но он вытравил в себе проблемы всей жизни, биение большого сердца – биение жизни и потому нет индивидуального. Лишь когда соединяется одно и другое – возникает сознание

подлинного, великого – оно должно вобрать в себя все переживания, все сокровенное, все порывы большого сердца, поглотить весь заряд его душевной энергии и дать ему совершить объективацию” [20, с. 459].

Таким образом, говоря о гуманитарном знании, С.Л. Рубинштейн, во-первых, признает его специфику, состоящую в рассмотрении особой сферы бытия человека – его взаимодействия с миром культурных ценностей и особой формы детерминации психического – ценностной; во-вторых, обосновывает необходимость его построения как объективной области знания на основе реализации онтологического подхода в понимании структуры бытия и принципа субъекта как основного источника его создания и преобразования; в-третьих, рассматривает сам мир культурных ценностей и значений в его обусловленности общественными основами исторического процесса; в-четвертых, снимает противоречие идеографического и номотетического подходов и видит задачу и особенности гуманитарного знания, как в рассмотрении отдельных уникальных явлений, так и в раскрытии того существенного и закономерного, что проявляется в них и определяет их природу.

ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ОБЪЕКТА И ПРЕДМЕТА ИСТОРИИ ПСИХОЛОГИИ

Обращение к научному наследию С.Л. Рубинштейна дает исходные ориентиры в решении ключевого и до сих пор до конца не проясненного вопроса об объекте и предмете истории психологии.

Адекватное понимание объекта и предмета истории психологии позволяет точно очертить диапазон ее исследовательских задач, границу проблемной области, специфику научных подходов и методов познания, задавая, тем самым, отправные точки научного поиска.

С.Л. Рубинштейн в качестве важнейшей характеристики объекта выделяет его независимость от субъекта – “человека и человечества”. В его работах дается развернутое определение объекта и объективного: “Термин объективный в настоящее время не однозначен. Под объективными свойствами бытия, действительности и т.п. понимают собственные свойства бытия, действительности того или иного явления такими, каковы они есть – в отличие от того, какими они представляются тому или иному субъекту, воспринимающему их”, – пишет он [14, с. 56].

Признание объективности бытия (означающего, что “оно есть то, что оно есть, независимо от того, каким оно познается и даже от того, познается ли оно вообще”) в то же время, как подчеркивает С.Л. Рубинштейн, отнюдь не предполагает отождествления понятий бытия и объекта. С одной стороны, “для сознания субъекта бытие всегда выступает как противостоящая ему объективная реальность. Там, где есть сознание, есть и это противопоставление; где есть сознание, бытие выступает перед ним в этом качестве” [там же]. С другой стороны, “бытие, мир может существовать и, не становясь объектом для субъекта, для его сознания, может существовать и не выступая в этом качестве” [там же]. Критически оценивая тенденцию отождествления бытия и объекта, ученый отмечает, что она была присуща как для домарковского материализма, так и для субъективного идеализма, отвергавшего существование действительности, независимой от субъекта. Рубинштейн вскрывает ложность указанного аргумента: “Чтобы быть объектом для кого-нибудь, надо существовать, но чтобы существовать, не обязательно быть объектом для субъекта. Неверно не то, что в качестве объекта нечто существует только для субъекта; неверно, что бытие существует только в качестве объекта для субъекта” [там же, с. 57].

Отсюда вытекает принципиально важный для понимания объекта тезис – существование бытия как объекта предполагает его соотнесенность с субъектом. “Вещи, существующие независимо от субъекта, становятся объектами по мере того, как субъект вступает в связь с вещью, и она выступает в процессе познания и действия как вещь для нас” [там же]. Таким образом, условием выделения объекта и его конституирующей характеристикой как формы существования бытия является установление взаимодействия субъекта с бытием, в ходе которого происходит его познание. «Взаимодействие индивида с миром, его жизнь, потребности которой и привели к возникновению мозга как органа психической деятельности человека, практика – такова реальная материальная основа, в рамках которой раскрывается познавательное отношение к миру, такова “онтологическая” основа, на которой формируется познавательное отношение субъекта к объективной реальности» [там же, с. 7].

С.Л. Рубинштейн подчеркивает, что именно конституирование объекта в процессе познавательной деятельности, где объект и субъект представлены в единстве, является онтологической предпосылкой возникновения объективной истины. Истина имманентна познанию, так же,

как познание имманентно бытию. “Истина объективна в силу адекватности своему объекту, не зависимо от субъекта – человека и человечества. Вместе с тем как истина она не существует вне и помимо познавательной деятельности людей. Объективная истина – не есть сама объективная реальность, а объективное познание этой реальности субъектом. Таким образом, в понятии объективной истины получает конденсированное выражение единство познавательной деятельности субъекта и объекта познания” [там же, с. 37]. Причем, на уровне существования в качестве объекта вещи определяются не только в их исходной объектной данности, но и преломляясь через призму их субъективной значимости для познающего их индивида, в той роли, которую они играют в его жизнедеятельности.

Опираясь на указанные положения, попытаемся охарактеризовать объект истории психологии и описать его особенности.

История психологии изучает реальный процесс становления и развития предмета психологии как области знания и науки в процессе эволюции человеческого общества. В ней в органичном единстве и нерасторжимой целостности представлено объективное и субъективное содержание. С одной стороны, будучи определением реальности психических явлений и продуктом познавательной деятельности человека, психологическое знание включает в себя объективное содержание. С другой стороны, оно является результатом субъективного психического осмысления человека, воплощает развитие самосознания познающего субъекта. История психологии, отслеживающая складывающуюся в ходе развития общества систему знаний о психической реальности, и являющаяся, тем самым, рефлексией второго порядка – “познанием познанного” – еще более усиливает роль и вес субъективной компоненты. Это определяет особую важность методологической проблемы определения объективных критериев истинности создаваемой в ходе историко-психологической рефлексии картины развития психологического знания.

Особенностью объекта истории психологии является то, что она имеет дело с реальностью прошлого, недоступной для ее непосредственного наблюдения современным исследователем и не воспроизводимую в экспериментальной ситуации. Являясь обращенным в прошлое, историко-психологическое познание носит ретроспективный характер, чем определяется особая роль реконструкционных методов изучения исследуемых им явлений.

Объект познания истории психологии принципиально динамичен. Говоря об особенностях исторического познания, М. Блок подчеркивал, что оно отражает “стремление к лучшему пониманию”, а, следовательно, выступает как “нечто, пребывающее в движении” [4, с. 11]. Это утверждение приложимо и к характеристике психологического познания как непрерывно развивающегося процесса углубления знаний о психическом мире, начинающегося на самых ранних этапах человеческого общества и сопровождающего всю его дальнейшую историю. Непрерывность психологического познания объясняется той огромной ролью, которую играют психологическое знание и психологическое самосознание в жизнедеятельности человека, являясь базовыми предпосылками и фундаментальными факторами ее продуктивного функционирования. Осознание человеком своих психических сил и способностей открывает новые ресурсы в его взаимодействии с миром, а активная деятельность по преобразованию действительности, в свою очередь, обеспечивает более глубокое познание им своей собственной природы. Динамика психологического познания обусловлена расширением познавательной практики человека, являющейся ответом на новые запросы и актуальные потребности жизни, совершенствованием средств познания, развитием когнитивных структур, сменой методологических и теоретических основ. Развитие психологического познания состоит в поступательном расширении сферы изучаемых их явлений, раскрытии их сущности во все более полном и системном виде.

Динамичный по своей природе процесс психологического познания определяет необходимость использования при его изучении диалектической методологии как наиболее адекватной и соответствующей его сущности. Задача истории психологии – исследовать не только знание о психической реальности, но и процесс его получения, трансформации, генезис и современные формы существования, проследить преобразования на различных этапах истории и в разных историко-культурных контекстах. Логическое и историческое здесь выступают в единстве, и воссоздание этого единства является важнейшим принципом методологии истории психологии.

Объект истории психологии включает сложную совокупность явлений психологического познания: тип и характер психологического знания, способы презентации (категоризация, теоретизация и т.д.), содержание и структуру, противоре-

чивое развитие и преобразование на различных этапах истории человеческой мысли, его опосредованность особенностями исторического времени и духом эпохи, субъектно-личностными характеристиками творцов психологической мысли. Понимание природы и причин исследуемых историей психологии явлений определяет необходимость ее выхода в культурное пространство бытия психологической мысли, апелляции к проблемам психологии творчества, учета субъектной составляющей познавательного процесса, т.е. реализации в историко-психологическом познании комплексной методологии¹.

История психологии изучает нематериальные вещи и предметы, идеальный объект и способы его идеализации. Однако, созданные человеком в конкретное историческое время, в контексте той или иной конкретной культуры, они входят в способ мышления, мировоззрения данной эпохи; знание становится частью реального мира, мощным средством воздействия на человека, организации и преобразования бытия. Более того, в определенный момент оно отчуждается от своего творца, приобретая самостоятельное, независимое от него существование. Знание столь же реально, сколь реально любая вещь, созданная человеком. Идеальное столь же объективно, как и материальное.

Ответ на вопрос о сочетании определения знания как идеального воспроизведения, воссоздания и его понимания как реальности бытия мира человека обращает нас к рассмотрению гносеологической и онтологической природы знания как формы познанной действительности и продукта человеческой деятельности. Гносеологический аспект определения знания включает его рассмотрение в контексте познавательного отношения к объективной действительности, где знание выступает как идеальный объект. Но знание – это, одновременно, и продукт познавательной деятельности человека, в ходе которой оно воплощается в созданных им произведениях (научных трактатах, статьях, исследовательских методиках, приборах). Сохраняя свою гносеологическую характеристику как познания сущности мира, знание получает, таким образом, онтологическую форму своего бытия в качестве объективированного в духовном произ-

¹ “Любая наука, взятая изолированно, представляет собой лишь некий фрагмент всеобщего движения к знанию. ... Чтобы правильно понять и оценить методы исследования данной дисциплины – пусть самые специальные с виду, – необходимо уметь их связать вполне убедительно и ясно со всей совокупностью тенденций, которые одновременно проявляются в других группах наук” [4, с. 14].

водстве, духовном способе жизни. В этом своем аспекте оно выступает уже непосредственно как феномен культуры и реальность, доступная для ее объективного исследования и познания. Бытие знания как продукта человеческой деятельности в качестве культурного феномена составляет, таким образом, реальную предпосылку историко-научного познания прошлого.

Психологическое знание, возникающее на разных этапах исторического развития, не дано исследователю в той форме, в которой оно было презентировано в свое время. Как пишет И.Д. Ковальченко, с одной стороны, прошлое “также реально и объективно для настоящего, как реальна и объективна для отдельного человека его предшествующая жизнь”. С другой стороны, “настоящее представляет собой непосредственное бытие, а прошлое – лишь бытие опосредованное” [7, с. 109]. Знание, полученное в прошлом, представлено в различных памятниках культуры, дошедших до нас. Памятник культуры, созданный ее субъектом на определенном этапе исторического развития, является продуктом деятельности человека, объективированной формой выражения воплощенной в нем психологической мысли. Характеризуя его природу, А.С. Лаппо-Данилевский оценивает его как “реализованный продукт человеческой психики, пригодный для изучения фактов с историческим значением” [10, с. 375]. По его мнению, «только “мысль”, сопровождаемая действием, через посредство которого она осуществляется, и становится источником» [там же, с. 370]. Об этом же пишет и основатель французской школы исторической психологии И. Мейерсон: “Все человеческое объективируется и проецируется в творениях, весь физический и социальный опыт и все то, что в этом опыте и через этот опыт выступает как состояние или функция: аспекты анализа реальности, аспекты мысли, желания, чувства, личность – наиболее абстрактные идеи и наиболее интимные чувства” [27, с. 142]. По словам Ж. Дюби, единственная доступная для исторического анализа “реальность заключается в документе, в этом следе, который оставили после себя события прошлого” [5, с. 58]. Таким образом, памятники культуры прошлого выступают в качестве той реальности, с которой имеет дело исследователь, реконструируя развитие психологического познания.

Исследуя памятники культуры, историк психологии воссоздает заключенное в них психологическое знание и способ его получения. Установление познавательного отношения исследователя с изучаемым им памятником культуры приводит к

превращению последнего в исторический источник, выступающий как объект историко-психологического познания, позволяющий реконструировать заключенное в нем психологическое знание и психологические характеристики его создателя. “В последовательности творений психолог должен найти ум, который их создал, выявить его уровни, аспекты и трансформации и, таким образом, через историю творений воссоздать историю ума, психологических функций”, – писал Мейерсон [28, с. 82]. Это, в свою очередь, требует реализации в истории психологии источниковедческого подхода.

Выделенные особенности объективной реальности, изучаемой историей психологии, позволяют определить ее объект. Объектом истории психологии является реальный процесс психологического познания в единстве его гносеологической и онтологической характеристик – как идеального воссоздания процесса исторического формирования представлений о психической реальности, конструирования предмета психологии и как объективированного продукта человеческой деятельности, представленного системой психологического знания, дошедшей до нас в виде исторических источников как ее носителей.

Что касается концептуального определения предмета истории психологии, то в отечественной историографии доминирует его понимание как изучения развития научного знания о психике. Так, в книге М.Г. Ярошевского и А.В. Петровского подчеркивается, что история психологии “выступает как история научно-психологической мысли” [11, с. 47]. Согласно М.Г. Ярошевскому, предметом истории психологии является не научное знание о психике, а исследовательская деятельность тех, кто его добывает [25].

Еще более четко границы предмета истории психологии очерчиваются А.Н. Ждан: “Задачей истории психологии является анализ возникновения и дальнейшего развития научных знаний о психике. Знания, полученные в обыденной практической деятельности, религиозные представления о психике, результаты других ненаучных способов умственной деятельности при этом не рассматриваются” [6, с. 5].

Более широкое определение истории психологии представлено в учебнике “История психология” В.А. Якунина, где ее проблемное поле не ограничивается только изучением развития научных идей, а трактуется как история возникновения и формирования психологических знаний: “Процесс возникновения и формирования собственно психологических знаний и со-

ставляет основу предмета истории психологии” [24, с. 9].

Выявленные разночтения в понимании предмета истории психологии приводят к необходимости более детального анализа основных понятий, лежащих в основе его конструирования: “психологическое знание” и “психологическое познание”, с одной стороны, и “психологическое познание” и “научное психологическое познание” – с другой.

Психологическое знание представляет результат познавательной деятельности, направленной на изучение особенностей психической реальности, уже оторвавшийся во времени от нее самой. Являясь итогом исторического познания и осмысления психической реальности, оно воплощается в сложившейся, кристаллизованной и определенным образом зафиксированной системе значений – в совокупности идей, взглядов, психологических концепций и теорий, подходов и методов изучения психических явлений.

Выявление закономерностей развития психологического знания составляет логико-научный аспект истории психологии.

Психологическое познание – более широкое понятие, охватывающее, наряду с содержательной компонентой (исторически сформировавшаяся системой знания), также процессуальный момент – собственно динамику получения и развития знания в ходе предметно-практической и познавательной деятельности человека и связанные с ней субъектно-личностные и социально-культурные аспекты. Психологическое познание включает также методолого-операциональный аспект, воплощающий способы психологического познания – преобразования объекта в предмете и предмета – в теории и исследовательской стратегии. Поэтому при определении предмета истории психологии целесообразно, с нашей точки зрения, в качестве базового использовать более широкое и емкое понятие, отражающее в единстве как содержательные, так и динамические, методолого-операциональные, субъектно-личностные и социально-культурные аспекты – психологическое познание во всей его полноте и целостности.

Система психологического познания включает, наряду с научной разработкой психологических проблем, также широкий спектр психологических идей, возникающих во вненаучных сферах. Отсюда вытекает еще одна важная задача, состоящая в рассмотрении соотношения понятий “психологическое познание” и “научное психологическое познание”.

Психологическое познание – генетически исходное, базовое и более широкое понятие, вбирающее в себя научное психологическое познание в качестве одного из уровней своего развития. Оно зарождается на самых ранних ступенях становления человечества и является важнейшим условием его исторического развития. Возникновение психологического познания продиктовано насущной объективной потребностью самопознания человека как субъекта деятельности и общественных отношений, необходимостью позиционирования себя относительно других явлений окружающего мира, определения своих возможностей, внутренних, психологических ресурсов, выступающих условием эффективного взаимодействия с миром. Этим обусловлена чрезвычайно длительная, уходящая к глубинным истокам существования человеческого сообщества история развития психологического познания [8, 9].

Научное психологическое познание – это одна из форм психологического познания, возникающая на определенном этапе развития общества, характеризующаяся целевой направленностью процесса получения знания и опирающаяся на систему динамично преобразующихся в ходе истории научных понятий и специальных методических средств выявления и осмысления психической реальности. То есть, являясь одной из наиболее продуктивных и объективированных форм психологического познания, научное психологическое познание не исчерпывает его и поэтому не тождественно психологическому познанию в целом. Психологическое познание – более широкое и емкое понятие, включающее в себя различные формы познавательной деятельности человека, направленной на изучение психического мира человека.

В свете понимания истории психологии как области знания, изучающей развитие научной психологической мысли, принципиальное значение приобретает решение вопроса об ее границах и критериях выделения в системе психологического познания в целом. При ответе на этот вопрос в историографической литературе отсутствует однозначное решение.

Так, Б.М. Теплов, разграничивая понятия “психологическое познание” и “психологическая наука”, указывает, что “психология – очень молодая наука”, но, одновременно, она “очень древняя область знаний ... Последняя продолжается тысячелетия; первая насчитывает едва ли 100 лет” [23, с. 7, 10]. Подчеркивается, что накопление психологических знаний и их теоретическое осмысление происходят в течение тысячелетий, ярким подтверждением чего является, в частности,

учение о душе Аристотеля, выступающее “как область знаний, значительно отчетливее очерченная и систематизированная, чем многие другие, впоследствии далеко обогнавшие психологию как самостоятельные науки” [там же, с. 7]. Отсюда вытекает важный вывод, что история науки, базирующаяся на строго научном, теоретически и методически обоснованном исследовании психологических проблем, неотделима от истории психологического знания, вырастает из него, что и определяет необходимость его систематического изучения и позитивного, целостного взгляда на прошлое психологической мысли. “Нельзя, – пишет Теплов, – полностью отделять друг от друга историю строго-научных, методически проводимых исследований психологических проблем, и историю развития психологических знаний, получаемых другими путями... Содержание психологии настоящего времени почерпнуто из обоих источников; удельный вес того и другого различен в разных отделах психологии” [там же, с. 9–10]. Тем самым автор обосновывает наличие объективной преемственности в развитии знания и важности ее осознания как условия реализации исторического подхода в психологии, что, в свою очередь, позволяет выделять и продолжать разработку перспективных линий в структуре психологического знания, а не начинать каждый раз развитие с нулевой точки зрения, “с земли”. Он возражает против дизъюнктивного взгляда на исторический процесс, его механического членения – произвольного выделения в нем изолированных периодов и вех. Развитие психологической мысли, согласно взглядам ученого – это непрерывный процесс и любой момент в его истории опирается на предшествующие этапы и стадии.

Расширительное толкование понятия “научная психология” дается С.Л. Рубинштейном, который не ограничивается ее соотношением с периодом дисциплинарного оформления психологической науки. “Психология, – пишет он, – и очень старая, и совсем еще молодая наука, она имеет за собой 1000-летнее прошлое, и, тем не менее, она вся еще в будущем. Ее существование как самостоятельной научной дисциплины исчисляется лишь десятилетиями, но ее основная проблематика занимает философскую мысль с тех пор, пока существует философия. Годам экспериментального исследования предшествовали столетия философских размышлений, с одной стороны, и тысячелетия практического познания людей, с другой” [13, с. 37].

В работах М.Г. Ярошевского уточняются понятия “научная психологическая мысль” и “психология как самостоятельная наука”. Подчеркива-

ется, что психология как самостоятельная наука оформляется достаточно поздно, в то время как психологическая мысль, стимулируемая общественной практикой, развивалась с давних пор: попытками описания психических явлений и их объяснения пронизана “вся история научно-философской мысли”. “Все преобразования – от древнего выведения различий в темпераментах людей из смеси соков в организме до использования в современной психологии средств электроники, биохимии и кибернетики – представляют различные фазы восходящего движения психологического познания. История психологии, таким образом, начинается значительно раньше периода, когда она сложилась как самостоятельная наука” [26, с. 4].

В качестве критерия научного психологического знания М.Г. Ярошевский выделяет, прежде всего, его детерминационный характер – направленность на выявление и исследование объективной, материальной причинности (внутренней и внешней) психических явлений: “Научное знание – это знание причин явлений, факторов (детерминант), которые их порождают, что относится ко всем наукам, в том числе и к психологии” [там же, с. 13].

Проведенный анализ дефиниций, структурирующих пространство предметной области истории психологии, позволяет в качестве основного выделить понятие “психологическое познание”, охватывающее все ее аспекты: содержательный (логико-научный), процессуальный (возникновение и развитие знания), субъектно-личностный и социально-культурный. Именно это понятие, с нашей точки зрения, составляет сущностное основание определения предмета истории психологии, который, соответственно, можно охарактеризовать как изучение закономерностей становления и развития психологического познания на разных этапах эволюции общества, включая как научное, так и вненаучные формы психологического познания.

Проведенный анализ подтверждает непреходящую ценность и актуальность научных идей, выдвинутых и разработанных С.Л. Рубинштейном. Составляя фундамент методологии отечественной психологической школы, они ориентируют ученых разных направлений психологии в разработке актуальных проблем, выдвигаемых современной наукой и практикой. Для развития истории психологии важны как общеметодологические положения Рубинштейна, касающиеся закономерностей развития научного познания, в целом, и гуманитарного знания, в частности, обоснованный им онтологический подход, высту-

пающий в качестве основания более точного понимания объекта и предмета истории психологии, так и реализованный в работах ученого метод историко-психологического анализа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Абульханова К.А.* О субъекте психической деятельности. М., 1973.
2. *Абульханова-Славская К.А., Брушлинский А.В.* Философско-психологическая концепция С.Л. Рубинштейна. М., 1989.
3. *Абульханова-Славская К.А., Брушлинский А.В.* Основные этапы развития концепции С.Л. Рубинштейна // С.Л. Рубинштейн. Избранные философско-психологические труды. Основы онтологии, логики и психологии. М., 1997. С. 439–457.
4. *Блок М.* Апология истории или ремесло историка. М., 1986.
5. *Дюби Ж.* Развитие исторических исследований во Франции после 1950 г. // *Одиссей: Человек в истории: Культурно-антропологическая история сегодня.* М., 1991. С. 48–59.
6. *Ждан А.Н.* История психологии. От античности к современности: Учебник. М., 1999.
7. *Ковальченко И.Д.* Методы исторического исследования. М., 2003.
8. *Кольцова В.А.* Теоретико-методологические основы истории психологии. М., 2004.
9. *Кольцова В.А.* История психологии: проблемы методологии. М., 2008.
10. *Лаппо-Данилевский А.С.* Методология истории. Вып. 2. СПб., 1913.
11. *Петровский А.В., Ярошевский М.Г.* История и теория психологии: в 2-х т. Т. 1. Ростов н/Д, 1996.
12. Психологическая наука в России XX столетия: проблемы теории и истории / Под ред. А.В. Брушлинского. М., 1997.
13. *Рубинштейн С.Л.* Основы психологии. М., 1940.
14. *Рубинштейн С.Л.* Бытие и сознание. М., 1957.
15. *Рубинштейн С.Л.* Заметки по методологии истории и общественных наук // Сергей Леонидович Рубинштейн. Очерки. Воспоминания. Материалы. М., 1989. С. 435–426.
16. *Рубинштейн С.Л.* Наука и действительность (Основы точного знания) // Сергей Леонидович Рубинштейн. Очерки. Воспоминания. Материалы. М., 1989. С. 336–343.
17. *Рубинштейн С.Л.* Психология Шпранглера как наука о духе // Сергей Леонидович Рубинштейн. Очерки. Воспоминания. Материалы. М., 1989. С. 345–363.
18. *Рубинштейн С.Л.* Размышления о науке // Сергей Леонидович Рубинштейн. Очерки. Воспоминания. Материалы. М., 1989. С. 332–335.
19. *Рубинштейн С.Л.* Принципы и пути развития психологии // С.Л. Рубинштейн. Избранные философско-психологические труды. Основы онтологии, логики и психологии. М., 1997. С. 214–425.
20. *Рубинштейн С.Л.* Строки, написанные сердцем // С.Л. Рубинштейн. Избранные философско-психологические труды. Основы онтологии, логики и психологии. М., 1997. С. 459–461.
21. *Рубинштейн С.Л.* Человек и мир. М., 1997.
22. *Рубинштейн С.Л.* Основы общей психологии. СПб., 2002.
23. *Теплов Б.М.* О некоторых общих вопросах разработки истории психологии // Вопросы психологии. Материалы второй Закавказской конференции психологов. Ереван, 1960. С. 3–13.
24. *Якунин В.А.* История психологии: Учебное пособие. СПб., 1998.
25. *Ярошевский М.Г.* Краткий курс истории психологии. М., 1995.
26. *Ярошевский М.Г.* История психологии. От античности до середины XX века. М., 1996.
27. *Meyerson I.* Les fonctions psychologiques et les oeuvres. Paris, 1948.
28. *Meyerson I.* Comportement, travail, experience, oeuvre // L'Annee psychologique. Paris, 1951.

HEURISTIC MEANING OF S.L. RUBINSTEIN'S IDEAS FOR PROBLEMS OF HISTORY OF PSYCHOLOGY ELABORATION

V.A. Koltsova

Sc.D. (psychology), professor, first deputy director of Institute of Psychology, RAS, Moscow

Historism of scientific conception of S.L. Rubinstein which is the premise for the universality and fundamentality of scientist's ideas is grounded. Rubinstein's contribution to domestic history of psychology formation, to its principles, means of positive analysis and constructive critique of psychological approaches as well as its philosophic – methodological grounds forming is revealed. Based on Rubinstein's ontological approach the understanding of object and subject of history of psychology is given.

Key words: history of psychology, methodology of psychology, humanitarian knowledge, S.L. Rubinstein's conception.